

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тащян Д.А. Чешско-русские культурные связи в период трансформации взаимного интереса во второй половине XIX века // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73873
EDN: DTFROP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73873

Чешско-русские культурные связи в период трансформации взаимного интереса во второй половине XIX века

Тащян Даниил Андреевич

аспирант; факультет Истории, социологии и международных отношений; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350058, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 183/1, кв. 114

✉ tas1998@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73873

EDN:

DTFROP

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу чешско-русских культурных связей во второй половине XIX века в контексте трансформации взаимного интереса и укрепления чешской национальной идентичности. Особенное внимание было уделено мотивам научного и культурного сотрудничества в равной степени как с русской, так и с чешской стороны. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей культурного и научного обмена между двумя народами, а также в определении эволюции восприятия русской культуры чешским обществом и отношения русских просветителей к чешским контактам в условиях политических и социальных изменений. По итогам анализа выявлены причины отказа сторон от романтическо-идеалистического восприятия взаимного диалога и перехода к строгому академическому сотрудничеству. Дополнительно в статье подчеркнуты достижения полученные по результатам взаимодействия чешских и русских культурных деятелей в рассматриваемый период. Исследование базируется на сравнительном анализе исторических источников, научных трудов и публицистики обеих чешско-российских связей за указанный период. Применён

качественный подход к изучению архивных материалов, включая переписку культурных деятелей, а также контент-анализ периодических изданий, отражающих динамику культурного взаимодействия. Впервые детально прослеживается трансформация чешско-русского взаимодействия от романтического восприятия славянской взаимности к прагматичному сотрудничеству с акцентом на автономное развитие культур. Выявлены новые аспекты влияния русских реформ 1860–1870-х годов на усиление интереса к чешской культуре. Прежде всего были подчеркнуты различия, которые были обозначены между чешской и русской культурой, а также подчеркнуты зоны взаимного интереса, где культурным деятелям удалось достичь значительных результатов. Многие русские культурные и общественные деятели, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию связей между чешским и русским просвещённым сообществом. В том числе, было отмечено, что чешские переселенцы, проживавшие в России, внесли вклад в развитие экономики, науки, культуры. В то время как русские деятели, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию сведений о славянской истории и истории России в частности.

Ключевые слова:

Чешско-русские связи, Культурный обмен, Национальная идентичность, Взаимный интерес, Славянская взаимность, Политические реформы, Национальное возрождение, Русская культура, Чешская автономия, Славистика

Чешско-русское взаимодействие в XIX в., в зависимости от изменений, происходивших в политической и социокультурной сферах, неизменно трансформировалось. В статье рассматриваются пути осуществления культурного и научного обмена между Чехией и Россией во второй половине XIX в. в процессе укрепления чешской национальной идентичности.

Цель статьи – выявление основных закономерностей чешско-русского взаимодействия в период трансформации взаимного интереса. В частности, особенный акцент сделан на интересе к культурному взаимодействию со стороны деятелей российской культуры.

В 1860-е гг. в свете вступления в силу Закона об общих делах всех земель Австрийской монархии от 21 декабря 1867 г., признавшего равноправие двух частей империи – Цислейтании (Австрии) и Транслейтании (Венгрии)^[9], делегациям чешских представителей (60 членов от национальных сеймов) была предоставлена возможность участия в работе правительенных органов^[7]. Вследствие этого чешские делегаты стали добиваться все больших преобразований, способствовавших укреплению автономии чешской культуры даже несмотря на то, что чешский народ по-прежнему не обрел политической автономии.

Так, в 1882 г. последовало разделение Пражского университета на чешский и немецкий, был изменён порядок выборов в состав торговых и промысловых палат и т. д. С 1883 г. чешские депутаты достигли большинства в земском сейме. В этот период был основан Земский банк, выстроено здание для Музея королевства чешского, начато издание источников чешской истории на средства, отпускаемые сеймом.

Постепенное движение к политической независимости отражалось на восприятии

национального языка и культуры самими чехами. Сопоставление источников и научных трудов за периоды первой и второй половины XIX в. демонстрирует существенную разницу в целях и мотивах чешско-русского культурного взаимодействия.

В период начального этапа борьбы за Национальное Возрождение в чешском обществе на рубеже XVIII–XIX вв., а также в годы активного просветительского движения, русская культура воспринималась чешскими будителями как источник для развития национального языка, литературы и искусства. В лице русских просветителей чешские деятели науки и искусства видели надежных партнеров и образец для подражания. Опыт, накопленный русскими литераторами, живописцами, музыкантами и учеными активно воспринимался чехами. На основании культурного обмена в чешском обществе развивались те базовые принципы культурного и национального самосознания, которые были использованы в период революционных событий 1848 г. и в последующие годы.

В свете же произошедших революционных событий середины XIX в. и политических реформ, ознаменовавших укрепление тенденции к автономизации чешской культуры и развития социальных институтов, отношение к русской культуре трансформировалось. В чешском просвещённом обществе стало распространяться стремление к развитию равноправного сотрудничества с деятелями русской культуры. Во второй половине XIX в. чешская культура, благодаря нациальному языку, литературе, изобразительному, художественному творчеству, а также театральному искусству, стала развиваться без прямого заимствования, на автономных началах. Следовательно, к концу XIX в. тенденции реалистичного и нередко критического восприятия русской культуры стали в Чехии преобладать. Этим объяснялся постепенный отказ от восприятия русской культуры как ведущей, а концепции славянской взаимности как основной. Чешские деятели культуры к концу XIX в. все чаще стремились к самобытному развитию науки и искусств при условии осуществления культурного обмена с другими славянскими народами на принципах равного сотрудничества.

Кроме того, русофильские настроения уже в меньшей степени были свойственны чешским просветителям. Мнение о том, что Российская империя является основным источником поддержки для чешского культурного сообщества стало постепенно утрачивать свою актуальность, в особенности после завершения творческой и научной деятельности ведущих чешских славистов Й. Юнгмана, Ф.Л. Челаковского, В. Ганки и др. Кроме того, нередко в чешском обществе стали проявляться и русофобские тенденции в свете произошедшего в 1863 г. польского восстания [2]. Изменение отношения к России отразилось на осложнении чешско-русских научных контактов.

Научные труды, заказываемые русскими славистами из Чехии, стали расти в цене, при посещении Чехии многим русским ученым и культурным деятелям с трудом удавалось добиться аудиенции с чешскими учеными и просветителями, на публикуемые русскими авторами научные труды чаще стали выходить отзывы с критическим уклоном [4]. С подобным отношением столкнулся русский литературовед и историк А.Л. Дювернуа после публикации книги «Станислав Зноемский и Ян Гус» (1870 г.). Критика в адрес книги, поступившая от чешских литераторов, ясно свидетельствовала о том, что в этот период русская и чешская научные школы могли взаимодействовать, но лишь в поле объективного анализа национальной истории каждого народа, имевшего самобытные черты.

Если в первой половине XIX столетия происходило становление русского славяноведения, а научный интерес русских просветителей сводился преимущественно к изучению филологических тем и лингвистики, напротив, после начала реформ, в период

между 1860–1870-ми гг. задачи русского научного славяноведения были перенаправлены на решение вопросов социального и политического реформирования общества. При этом в российских университетах, количеству которых в свете реформы образования только увеличивалось, стали открываться кафедры славянской филологии [5].

Изменения в оценках идеи славянской взаимности в русском обществе происходили также на фоне реформ 1860–1870-х гг. в стране. Реформы, инициированные Александром II, изменили социально-экономический уклад России, значительно либерализовали отношение к цензуре, и, как следствие, оказали влияние на взаимодействие со славянскими народами, стремящимися к политической независимости, среди которых был чешский. В связи с этим наибольшее количество специальных журналов, посвященных теме славяноведения в России, появилось в 70-е гг. XIX в., среди них. «Филологические записки» (Воронеж) и «Русский филологический вестник» (Варшава), сборники статей типа «Славянского ежегодника» (Киев) [3].

Ведущую роль в российской публицистике, выступавшей в поддержку идей славянской взаимности, играл журнал «Славянские известия» – печатный орган Славянского благотворительного общества. Периодическое издание на протяжении тридцати трех лет развивало и поддерживало данную тему. Идейным вдохновителем журнала являлся М. М. Филиппов (1858–1903), русский ученый и мыслитель конца XIX в., привлеченный к сотрудничеству в качестве редактора журнала. Ему принадлежала идея разработки программы формирования славянской культуры [3], согласно которой Россия должна осуществлять сближение с родственными культурами славянских народов на основе общности интересов, но не на политических и идеологических началах. Родство культур журнал «Славянские известия» видел в познании особенностей славянских языков. В связи с этим в широком спектре тем журнала длительное время занимали значимое место вопросы филологии и языкоznания.

Уровень активности органов периодической печати наглядно свидетельствовал о высоком интересе среди русской общественности к налаживанию и поддержанию взаимодействия с чешскими культурными институтами. Так, Н.В. Киселькова отмечает, что к 1875 г. большинство русских читателей было ознакомлено со списком названий славянских журналов, на которые принималась подписка в почтовых конторах России. Рассылка актуальных периодических изданий на чешском языке проводились не только самими журналами и газетами, но также посредством прямых почтовых отправлений [2].

Стойкий информационный обмен поддерживали отдельные заинтересованные лица, обладавшие авторитетом в сфере дипломатических отношений с Чехией. Одним из них был протоиерей российской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский. Так, его непосредственной заслугой являлось установление постоянных контактов между венским журналом «Славянская беседа» и Императорской Академией наук, а также учреждение Славянского благотворительного комитета в Санкт-Петербурге (1867 г.), включавшего в свой состав членов Чешской матицы. К примеру, благодаря установленным контактам М.Ф. Раевского с чешскими педагогами и в том числе директором полной гимназии в г. Таборе В. Кржижеком и профессором реальной высшей гимназии г. Табор И. Мейнером, налаживалось стабильное снабжение российских учебных заведений методической литературой, педагогическими сочинениями (в том числе книгами Я.А. Коменского), учебными пособиями [1].

Нельзя не заметить факт активной переписки и сотрудничества М.Ф. Раевского с одним

из известных чешских ученых А. Патерой. Материалы их деловой переписки сохранились до настоящего времени. Анализ материалов их переписки показывает, что в результате сотрудничества была проделана большая работа по отбору и поиску кандидатур на вакантные места преподавателей классических языков в российских университетах и гимназиях. При этом кандидаты проходили обязательный отбор, что наглядно указывало на большую заинтересованность со стороны молодых чешских преподавателей к получению профессионального опыта в России.

Со стороны чешского культурного сообщества контакты с М.В. Раевским и проводимыми по его инициативе начинаниями поддерживал чешский писатель и педагог А.Я. Вртятко (1815–1892). Находясь в должности библиотекаря Чешского музея с 1861 г., А.Я. Вртятко, обладая доступом к ценным литературным собраниям, активно участвовал в литературном обмене с Россией. В том числе им самим был сделан существенный вклад в обогащение чешской литературы. Так, например, особой ценностью обладали его переводы на чешский язык трактата Аристотеля «Категории». Из других трудов А.Я. Вртятко особенно известны фотографическое издание в 1862 г. Краледворской рукописи, статьи «Zlomky taborské» и «Hanka a Dobrovský»[\[11\]](#). С результатами его исследований и отдельными сочинениями, а также иными литературными произведениями на чешском языке знакомились и представители русского ученого сообщества. А.Я. Вртятко, будучи членом Чешской матицы, налаживал контакты с российскими библиотеками, университетами и в том числе Российским археологическим обществом, Министерством народного просвещения Российской империи, Национальным музеем, Славянским благотворительным комитетом, а также Императорской Академией наук.

Описанные выше события и в том числе неугасающий интерес русской культурной общественности к взаимодействию с культурой братских славянских народов стали одной из причин формирования новой школы славяноведения в России. Специализируясь по кафедре славистики, молодые люди в 1860–1870-е гг. получали знания в области славянского и общего языкоznания, практически изучали язык на занятиях, писали переводы со славянских языков и выполняли другие задания. Ученики первоходцев русского славяноведения находились в совершенно других условиях. Они прошли обучение языкам в период своей учебы. Гимназии и домашнее воспитание позволяли молодым людям усвоить по меньшей мере два европейских языка – немецкий и французский. В свою очередь центром притяжения «молодых» умов оставалась и Прага. Многие ученые, получая классическое университетское образование, стремились посетить столицу Чехии как символ славистики. При этом важно отметить, что в Чехию из России прибывали исследователи-слависты, получившие качественную предварительную подготовку в русских университетах, в совершенстве владеющие чешским и многими другими славянскими языками.

Русские слависты имели собственную, сформированную точку зрения на предмет изучения славянской культуры, нередко с критической точки зрения. К примеру, с целью совершенствования научных знаний, в Чехию одним из первых в рассматриваемый период отправился историк, профессор Московского университета Н.А. Попов. Занимаясь в Чехии и Германии исследованиями по истории, он провел много встреч в университетах с учеными и журналистами. Несомненному успеху работы Н.А. Попова в Чехии способствовала близость его политических взглядов с взглядами чешского ученого сообщества [\[5\]](#).

Также к числу выдающихся русских ученых, работавших в Чехии в рассматриваемый

период, относились Ю.С. Анненков (1849–1885 гг.) и Н.В. Ястребов (1869–1923 гг.). Они разделяли принципы научного исследования, принятые в Чехии, и внесли весомый вклад в развитие культуры обеих стран. Так, Ю.С. Анненков за всю свою жизнь посетил Прагу более восьми раз, посвящая большую часть времени работе в архивах. А. Патера, оказывая ему содействие в исследованиях, вспоминал о нем как об очень эрудированном молодом ученом, снискавшем большое количество как дружеских, так и научных связей среди чешских просветителей [4]. Чешские ученые, бывшие его современниками, в том числе К. Крофта, вспоминали о том, с каким усердием Ю.С. Анненков работал с источниками и прежде всего рукописями, связанными с периодом гуситских войн. Вклад Н.В. Ястребова в развитие чешской науки состоял в том, что благодаря его инициативе были найдены и собраны в единую коллекцию многие рукописи, относящиеся к периоду XV века. [8].

Н.В. Ястребову, одному из немногих русских ученых, работавших на рубеже XIX–XX вв., удавалось сохранять тесное сотрудничество с чешскими культурными деятелями. В числе его постоянных партнеров были директор Пражского архива Я. Челаковский, профессор Пражского университета Й. Поливка, Т.Г. Масарик. Связи, установленные Н.В. Ястребовым, имели большое значение для продолжения чешско-русского диалога в новых, официальных и наполненных академическими формальностями, условиях. В Петербургском университете при его содействии проводились многочисленные лекции и семинары с участием приглашенных чешских ученых. В 1906 г. были переведены на русский и опубликованы работы Т.Г. Масарика «Революция и эволюция», «Марксизм и парламентаризм» [5].

Сотрудничество чехов и русских в этом направлении со временем дало свои результаты. Так, с 90-х гг. XIX в. активизировалась работа Отделения русского языка и словесности Российской академии наук (ОРЯС РАН) в области изучения славянских языков и литератур, издания славянских текстов, словарей. Если раньше славистов в этом отделении РАН долгое время представлял И.И. Срезневский, то в конце XIX в. действительными членами ОРЯС РАН были избраны слависты В.М. Ламанский, А.Н. Пыпин, а также такие крупные ученые-филологи, как А.А. Шахматов и А.И. Соболевский. ОРЯС имело свои печатные органы – *Известия ОРЯС* и *Сборник ОРЯС*, в которых публиковались исследования по разным аспектам славяноведения, рецензии на славистическую литературу. Однако пика своей деятельности ОРЯС достигло к началу XX в., после съезда русских славистов 1903 г.

Тем не менее, даже несмотря на то, что дипломатические и научные контакты между чехами и русскими стали значительно менее интенсивными, подобная деятельность указывала на сохранение потребности российской культуры в получении помощи и поддержки со стороны чешского культурного наследия. Напротив, в предыдущие периоды подобную потребность выказывала чешская культура, но тенденции постепенно изменялись. Так, чешские научные визиты в Россию стали значительно сокращаться несмотря на то, что взаимодействие с русскими учеными по-прежнему было активно, но в иных формах. Целями визитов чехов в Россию во второй половине XIX в. и в особенности в последней четверти столетия становились коммерция и политика.

Политический интерес со стороны чехов преобладал над научным в свете их стремления к окончательному обретению политической автономии. Многое в установлении культурных и политических контактов было сделано после проведения Этнографической выставки в Москве в 1867 г. Событие это имело не только весомую пользу для укрепления культурного взаимодействия, но получило широкий политический резонанс.

Многие чешские деятели воспользовались своим членством на выставке в целях демонстрации своих оппозиционных настроений правительству Австро-Венгрии. Одними из них были Ф. Палацкий и Л. Ригер, а также редакция газеты партии младочехов «*Narodni noviny*» [\[6\]](#).

Примечательно, что в области славянского языкознания между чешскими и русскими культурными деятелями поддерживались наиболее тесные контакты. Среди чешских ученых, наиболее активно сотрудничающих с русским академическим сообществом, были Я. Голл, Я. Бидло, Й. Поливка, Л. Нидерле.

Следует также указать, что в России было большое количество чешских мигрантов. Больше всего среди чешских мигрантов было врачей, инженеров, предпринимателей. Много чешских специалистов работало в российских учреждениях культуры. Интерес к профессиональной деятельности в России для чехов был продиктован комфортными условиями проживания, созданными правительственными указами для трудовых переселенцев, а также высоким уровнем оплаты [\[5\]](#). Особенno ярко отмеченная тенденция находила свое отражение среди работников культуры. При этом имела место семейная преемственность среди чешских деятелей культуры, работающих в России. К примеру, известна деятельность О.А. Рождественской, дочери чешского профессора языкоznания А.В. Добиаша. За годы преподавательской работы О.А. Рождественской было обучено и выпущено большое количество профессиональных палеографов латинской письменности [\[2\]](#).

Увеличение числа чешских ученых и преподавателей, проживавших в России и преподававших в образовательных учреждениях, было продиктовано дальнейшим углублением и расширением мероприятий образовательной реформы. Так, 31 июля 1871 г. в Российской империи был издан новый Устав гимназий, предусматривавший сохранение только классических гимназий. За счет сокращения других предметов в полтора раза расширялась программа преподавания древних языков [\[10\]](#).

В свете нововведений число уроков по древним языкам было значительно увеличено (на 15 по языку латинскому и на 11 по языку греческому); при этом греческий язык преподавался во всех гимназиях и прогимназиях (до этого момента – в 36). Более того, росло само число гимназий. С момента вступления на престол Александра III оно увеличилось с 73 до 130. В таких условиях особенно велика была потребность России в преподавателях, более всего, древних языков. В связи с тем, что чешская школа языкоznания была достаточно развита в это время, в Россию прибывало большое количество специалистов по древним языкам [\[11\]](#).

Поиском подходящих кандидатур для перевода в образовательные учреждения занимались многие русские и чешские общественные деятели. Среди них особое значение имели инициативы М.Ф. Раевского, А. Патеры, А. Вртятко и др. За счет их усилий многие чешские преподаватели получили не только работу в России, но также достойные оклады, стипендии, были обеспечены временным жильем. Между тем, зачастую именно сумма денежного вознаграждения не устраивала чехов. В 70-е гг. XIX в. М.Ф. Раевский как человек, тесно сотрудничавший с Министерством народного просвещения, получал просьбы от А. Патеры и от А. Вртятко о необходимости увеличения оплаты труда чехов [\[2\]](#). По данному направлению, связанному с реализацией инициатив по увеличению доходов чешских преподавателей русскими общественными деятелями, был достигнут значительный успех.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что чешско-русские культурные связи после 1870 г. значительно трансформировались. Изменения нашли свое отражение в следующих аспектах:

1. Как русские, так и чешские просветители стали постепенно отходить от романтическо-идеалистического восприятия идей славянской взаимности. Русская и чешская культура всё чаще рассматривались как родственные, но весьма самобытные формирования, развивающиеся по собственным законам и подверженные разным факторам влияния. В свете подобной оценки чешско-русские культурные связи выстраивались на основе равноправного сотрудничества, но на автономных началах.
2. Со стороны русских ученых наблюдался высокий уровень интереса к установлению научных контактов с чехами. Так, многие культурные и общественные деятели России, пользуясь своими многочисленными контактами и высоким уровнем авторитета в чешском обществе, активно содействовали сохранению, укреплению и развитию связей между чешским и русским просвещённым сообществом. В том числе интерес россиян к чешской культуре в рассматриваемый период был связан с потребностью в привлечении квалифицированных филологов, славяноведов и педагогов в активно развивающую вследствие реформы образования в России научно-просветительскую сферу.
3. Чехи, прибывавшие в Россию, все реже преследовали цель установления научного сотрудничества. Напротив, среди чешских переселенцев все больше встречались приезжающие в Россию предприниматели, инженеры, врачи, а также деятели культуры для постоянной работы в учреждениях культуры и образования. Однако, научные контакты сохранялись, но они развивались преимущественно в фокусе рассмотрения вопросов языкознания и литературоведения.

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что во второй половине XIX в. русская культура, в отличие от чешской, стала проявлять наибольшую потребность в сохранении взаимных контактов.

Библиография

1. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40-80-е годы XIX века. – М.: Наука, 1975. – 576 с.
2. Киселькова, Н. В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е-70-е гг. XIX в.: по материалам архива М. Ф. Раевского: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. В. Киселькова. – Москва, 2008. – 174 с. EDN: NPTDGX
3. Коробкова, С. Н. Русская мысль и чешско-русский диалог XIX – нач. XX в. / С. Н. Коробкова // Вече. – 2013. – № 25. – С. 252-264. EDN: RSXUAB
4. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – С. 431-467. EDN: QPUYDL
5. Лаптева, Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века. По данным переписки ученых / Л. П. Лаптева // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 68-93. EDN: VVGOMZ
6. Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г.: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию Первой этнографической выставки, Санкт-Петербург, 20-22 ноября 2007 года / отв. науч. ред. В. М. Груслан, Н. М. Калашникова. – Санкт-Петербург: ООО Навигатор, 2009. – 135 с.
7. Санчук, Г. Э. История Чехословакии. Т. 1 / Г. Э. Санчук. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 440 с.
8. Хельчицкий, П. Сочинения Петра Хельчицкого: Сеть веры; Реплика против Бискупца / П. Хельчицкий; [труд Ю. С. Анненкова; окончил по поручению Отд-ния рус. яз. и

- словесности И. В. Ягич]. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – 431 с.
9. Deuerlein, E. Foederalismus: Die historischen und philosophischen Grundlagen des foederativen Prinzips / E. Deuerlein. – Bonn: Sieg-Post Druckerei, 1972. – 416 с.
10. Patera E. A. Korespondence prijata. A. I. Gerogievskij A. Paterovi. b.d. 2/14.04.1871.
11. Wurzbach D. C. v. Vrtatko, Anton Jaroslav // Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich: enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. – Wien, 1856. – Vol. 52. – S. 8-15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора